

II.

СВЯТЫЕ

ЗАВЕЩАНИЕ ШУШАНИК

Сила Моя совершается в немощи.

2 Кор 12, 9.

Человек, знакомящийся с грузинской литературой, уже в самом начале обнаружит настоящую жемчужину – «*Мученичество святой Шушаник, царицы*» Иакоба Цуртавели. Называть жемчужинами произведения литературы, особенно, древней, не новость, и зная другие произведения этого рода, можно задаться вопросом, чем же это именно «*Мученичество*» заслуживает такую оценку? Особенно изысканным слогом, или удачными риторическими фигурами, или патетической речью, или красочным

описанием героизма и славы главного персонажа?

Самым поразительным для современного читателя – если он даст себе отчет – будет то, что ни разу при чтении этой небольшой повести между ним и ею не возникнет ни малейшей эстетической преграды, что в тот самый момент, когда он прочитает первую – отрывистую и энергичную, как будто непосредственно ему адресованную фразу: *«А ныне утвердительно скажу вам кончину святой и достоблаженной Шушаник»*, – пятнадцать веков, отделяющие его от рассказанных событий, исчезнут бесследно и не вспомнятся до самого *«аминь»*, заключающего книгу. Имена лучших мастеров рассказа в новой европейской литературе невольно приходят на ум, когда ищешь аналогии для этого прозрачного стиля, глубоких, но сдержанных чувств, стремительной и лаконичной речи, непринужденной стыковки эпизодов, для той раскрепощенности, полной творческой свободы, которыми отмечено это первое дошедшее до нас произведение грузинской литературы.

Героиня повести, дочь армянского полководца и героя борьбы за независимость Вардана Мамиконяна, с детства воспитанная в Грузии, была выдана замуж за своего совоспитанника, правителя одного из грузинских владений Варскена и родила ему трех сыновей и дочь. *«В восьмой год царя персидского»*¹ Варскен, находясь с визитом при его дворе, отрекся от христианства, поклонился огню,

¹Царя Пероза, правившего Персией в 459–484 гг.

в согласии с правилами новой религии взял себе и вторую жену – дочь персидского царя, и вернулся домой, пообещав обратиться в нынешнюю свою веру царицу Шушаник и своих детей.

Узнав об измене Варскена, вернее, предугадав ее, Шушаник еще до прихода мужа покинула царский дворец. Угрозами и уговорами, привлекая к посредничеству даже подвластных ему грузинских епископов, добивался Варскен возвращения ее в дом. Она многократно предана была избиению и другим пыткам, но только укреплялась в своем решении. Шушаник была брошена в темницу, где, подвергаясь лишениям и сама усугубляя их, дополняя голод – постом, цепи – власяницей, покрытая ранами и язвами, она провела шесть лет. Наконец, благословив и простив всех пришедших к ней, а своего супруга-мучителя призвав на последний суд Божий, она умерла.

Автор повести Иакоб Цуртавели был духовником царицы и самым верным ее спутником на крестном пути, он был к тому же человеком книжным, как и его подопечная, и еще в начале мученического пути своей героини он решил описать ее подвиг.

Перед ним настоящий герой, человек необыкновенного мужества, порой утравившего самого Иакоба. Он приводит эпизод, когда Шушаник взяла одного из червей, которые завелись в темнице в ее ранах, показала ему и, возблагодарив Бога, сказала: *«Пресвитер, тяжким не почитай это, ибо там-то*

червь побольше и не умирает». – «А я, как увидел червя того, – прибавляет Иакоб, – невысимо сильно опечалился, и плакал весьма».

Несомненно, под рукою у него находились упоминаемые им, много раз читанные, «*святые те книги мучеников*». Не зная, какие именно книги были у Иакоба, можно, однако, предполагать, в какую сторону должны были они направлять его писательскую мысль – рассказать о победе героини над страданиями и над мучителем. Да и сама героическая непреклонность Шушаник, ее непоколебимое мужество должны были вести писателя в этом же направлении.

Но Шушаник была не чужая ему, а сам он был человеком чувствительным. Его чувствительность видна уже из того, как часто упоминает он о своих и чужих слезах, как много плачут в этой маленькой повести. «*Плачут священники и вельможи, епископы и женщины*», – отмечает исследователь².

И вот, как человек близкий и сострадательный, описал Иакоб подвиг своей героини. И благодаря этому неизгладимой печатью новаторства, переходящей свежестью отметил он первую грузинскую повесть.

Вот как он, например, «вводит» героиню в самом начале повести. «*И женой его [Варскена] была дочь Вардана, армянского спасета, о которой вот написал вам, от отца именем Вардан, а*

² Р. Г. Сирадзе в кн.: Иаков Цуртавели. *Мученичество Шушаник*. 1978, с. 41.

*любовно имя ее Шушаник»*³. Это «любовное», это ласкательное, домашнее имя, полностью и навсегда вытеснившее основное, официальное, и определяет затем тональность всей повести. Родственные, трепетные чувства пронизывают здесь все взаимоотношения. Даже гневаясь, отрекаясь, Шушаник не может забыть о них. *«И ты, Джоджик, уже не деверь мне и я уже – не твоего брата жена, и жена твоя не сестра мне»*... Джоджик же умолял ее и говорил: *„Ты – сестра наша, не погуби дома этого царицына”*. Сказала ему святая Шушаник: *„Знаю, что я сестра и вместе воспитаны”*». Так это «Мученичество» с самого начала оказывается тягостной внутрисемейной драмой, в которую по праву близких вовлечены не только непосредственные члены семьи, но почти все персонажи повести.

Недаром ведь и сам мучитель, Варскен (инстинктивно или по лицемерию и коварству), принимает образ оскорбленного мужа и супружескими претензиями отвечает на обвинения в вероотступничестве. *«Ныне придите к ней и скажите: „Ты мой образ низложила и постель мою осыпала пеплом”*». Недаром и сама Шушаник,

³ Букв. «Сусанночка» с ласкательным суффиксом «ик», употребительным как в армянском, так и грузинском языке, хоть они и не родственны. До разрыва общения между Церквами Армении и Грузии в нач. VII в. над могилой св. мученицы в Цуртави совершались службы на армянском и грузинском языке. Ныне мощи царицы Шушаник покоятся под спудом в тбилисском Метехском храме Рождества Богородицы.

умирает, не простив и не отрекшись просто от своего мужа, а призывая его на высший суд, то есть, не порывая еще всех связей со своим мучителем.

Не менее тесные, хоть и не кровные, узы соединяли царицу и автора повести. Она была его духовной дочерью и, в то же время, как царица и хозяйка дворца, его покровительницей. *«Нашей не только ты царицей лишь была, но на всех нас, как на детей, смотрела, – говорит ей Иакоб. – Беда твоя – беда наша, и радость твоя – радость наша».*

Наверное, поэтому он нигде не восхищается ее подвигами и не расписывает их, ведь они связаны со страданием близкого человека. Никогда он не переступает за грань выносимого, нигде его сострадательный рассказ о мучениях родного ему человека не превращается в восторженный, но и безжалостный, отчет о страстях заранее подготовленной к тому жертвы, как подчас бывает в произведениях этого рода.

Зато полное сочувствие у Иакоба вызывают жалобы героини и то, что можно было бы счесть за слабости и даже самую обыкновенную суетность, ведь в них проявляет себя хоть и уже *«святая»*, но еще живая, еще земная Шушаник.

«А я спешил выйти. Тогда сказала мне святая Шушаник: „Пресвитер, послать ли ему [Варскену] это украшение его? Как бы не стал просить. Ибо мне в этой жизни уже никак не потребно!” Я же сказал: „Ни к чему спешить, пусть будет у тебя”»⁴.

⁴ Впрочем, Иакоб, возможно, приводит этот эпизод, и как

По этой же причине Иакоб сохранил и предал бумаге совсем не героическую предсмертную жалобу царицы на раннюю смерть – смерть молодой и красивой женщины: *«Воздаст ему [Варскену] Господь, как он безвременно плоды мои собрал и свечу мою угасил, и цвет мой иссушил, красоту добра моего помрачил и славу мою унизил».*

Казалось бы, об этих мелочах можно забыть, ведь они ничто по сравнению с подвигом героини, с тем, что она ни разу ни на миг не поколебалась в главном – в верности своему Господу, своим убеждениям. Но какой-то безошибочный инстинкт побуждает Иакоба отмечать эти черты и детали, в которых дает о себе знать человек из плоти и крови, земная женщина. А ведь именно благодаря этому повесть Иакоба не превратилась в литературный памятник, но и сейчас способна приобщить к страданиям и подвигу ее героини всякого, кто пожелает узнать *«утвердительно кончину святой и достоблаженной»* царицы.

Душевное величие, необыкновенность Шушаники только раз или два предстает перед читателем более открыто, неприкровенно, особенно в многозначительном диалоге героини с будущим автором повести сразу после ухода ее из дворца.

«И как увидел ее огорченную, – пишет Иакоб, – и

свидетельство прозорливости Шушаник, ибо уже в следующем эпизоде Варскен вспоминает про украшения и требует отобрать их у нее. *«И еще найдется некто, которая этим украсится», –* говорит при этом Варскен.

я плакал с нею же. И сказал блаженной Шушаник:

– В брань великую вступаешь, царица, оберегай веру Христову, как бы враг, подобно гангрене, пастьбища не обрел в тебе.

Святая же Шушаник сказала мне:

– Пресвитер, а я к великой брани и готова.

А я сказал ей:

– Так и есть, мужественна будь, стойка и долготерпелива.

Она же сказала мне:

– Для меня одной беды эти.

Я же сказал ей:

– Беда твоя – беда наша, и радость твоя – радость наша. Нашей не только ты царицей лишь была, но на всех нас, как на детей, смотрела.

И я сказал достоблаженной той тайком:

– О чем думаешь, скажи мне, чтобы мне знать и описать труд твой.

Она же сказала мне:

– Что это ты спрашиваешь у меня?

Я ответил и сказал ей:

– Твердо ли стоишь?

А она сказала мне:

– Да не будет со мной, чтобы я приобщилась к делам и грехам Варскеновым.

Я ответил ей и сказал:

– Горек разум его, ранам и мучениям великим предаст тебя.

Она же сказала мне:

– Лучше для меня от рук его смерть, чем мое и

его схождение и погибель души моей; ибо слышала от Павла апостола: „Не порабощен брат, либо сестра, но пусть разлучаются”.

А я сказал:

– Так и есть».

Каким-то неожиданным, необычным для повести Иакоба холодом веет от этой беседы. Два человека бестрепетно, почти бесстрастно рассуждают о предстоящем жертвоприношении. И одна из участников этой поистине деловой беседы и есть сама будущая жертва, а другой – одновременно ее «отец» и «дитя», только что плакавший вместе с нею. Поражает это «*чтобы мне... описать труд твой*», практически – «описать твои страдания и смерть», учитывая «*горький разум*» Варскена, фраза, которая могла бы привести в восхищение автора «*Тонио Крегера*»⁵, как детски открытое выражение профессиональной безжалостности писателя.

Кажется, что в этой сцене полностью доминирует Иакоб. Он поучает, он наставляет, он чуть ли не подталкивает жертву. Но сама Шушаник одним своим замечанием указывает истинную расстановку сил не только в этой сцене, но и во всей повести.

«Для меня одной беды эти», – говорит она.

Она – единственная героиня в этой повести, ибо только она одна обладает достаточной силой души, чтобы противостоять Варскену. Только она

⁵ Новелла Томаса Манна.

одна могла «придумать» и привести в действие эту историю. Без этой ее силы все обсуждения, все «деловые» беседы – ничто. Так что холод и безжалостность, которыми веет от этой сцены, исходят в конечном счете от самой Шушаник. Это холод духовной вершины – вершины подвига, куда, отдав перед тем дань человеческой слабости, мыслью восходит героиня, увлекая за собой и своего автора.

Шушаник не раз будет говорить о своем одиночестве. Даже в предсмертной беседе не удержится она от упрека окружающим в том, что ее оставили одну. На самом деле, это не так, множество людей – от епископов до темничных стражей – окружают ее и служат ей, наперекор Варскену и зачастую рискуя своей жизнью. Значит ее одиночество – другого порядка, одиночество героя перед лицом предстоящего ему подвига, который он один может и призван совершить.

Нетрудно сообразить, с чьим одиночеством Шушаник, кстати поминающая апостола Павла и всегда державшая при себе *«свое Евангелие»*, могла соотносить свое. Не только с одиночеством апостола Павла, чьи слова – *«все меня оставили»* [2 Тим 1, 15; 4, 16], – она почти дословно повторяет, но и с одним из самых скорбных и впечатляющих моментов евангельской истории – одиночеством Иисуса в Гефсиманском саду.

В сравнении с тем состоянием духа, в котором пребывает героиня, какими-то излишними кажут-

ся призывы Иакоба: *«Оберегай веру Христову... Мужественна будь»*. Требовались ли Шушаник такого рода наставления? Вскоре ведь она сама должна будет поучать тех, кто из страха перед Варскеном начнет уговаривать ее вернуться к мужу: *«Думала я, что его к себе обращаю и Бога истинного исповедует, а ныне меня принуждаете это сделать? Да не будет того со мной!»*

Скорее эти поучения нужны самому Иакобу, чтобы обрести какую-то опору в том непривычном состоянии, в которое привел его подъем на вершину чужого подвига. Как ни близок к Шушаник Иакоб, с самого начала твердо поддерживавший ее, но и для него ее состояние тайна, он не может до конца постигнуть ее героизма. Не он ли сам открывает нам это, приводя свой отдающий растерянностью вопрос: *«О чем думаешь, скажи мне, чтобы мне знать и описать труд твой»*.

И следующий за ним, как бы с недостижимой высоты, какой-то потусторонний отклик Шушаник: *«Что это ты спрашиваешь у меня?»*

И если героиня могла видеть в своем одиночестве отблеск одиночества Иисуса, то не усматривается ли в растерянности автора отражение растерянности апостола Петра на горе Фавор, который при виде преобразившегося Иисуса говорил, *«не зная, что говорил»* [Лк 9, 33].

Но вернемся еще раз к вдвойне знаменательным для нас словам Иакоба.

«Чтобы мне знать и описать труд твой», —

говорит он Шушаник, едва только она вступила на свой героический путь, когда *«трудо»* еще нет почти никаких. Это недвусмысленный, настоятельный призыв к мученичеству, к подвигу. Но кто такой Иакоб, чтобы требовать самопожертвования от своей госпожи, от царицы? Тем более, что своим предложением *«описать»* он заведомо придает этому подвигу широкий, общественный характер.

Ясно, что никакая близость к царице, никакой личный авторитет не могли бы придать Иакобу такой смелости, если бы он не чувствовал за собой силы, лишь частицей которой он был, если бы в данном случае он не был всего лишь голосом.

Что это за сила, станет ясно, когда большая толпа, *«мятеж многих»*, как ее называет Цуртавели, пойдет за Шушаник на одном из скорбных ее путей, когда к темнице ее непрерывной цепочкой потянутся мужчины и женщины со всей Картли, когда перед кончиной ее придут к ней за благословением епископы и вельможи, *«знатные и незнатные мира Картлийского»*.

Иакоб так описывает природу тех мест, где страдала в темнице Шушаник: *«В пору летнюю как огонь палящий жар солнца, ветры знойные и воды вредоносные, которого и жители того места, полные болезни, от воды распухшие и пожелтевшие, исколотые и увядшие и паршивые, рожистые, с раздутыми лицами и краткодневно живущие, и старого никого нет в тех странах»*.

Именно эти люди толпами будут ходить к

Шушаник, они, изнуренные болезнями, подавленные слабостью своих пастырей и вероломством своего правителя, за которым стоит гнетущая мощь персидской державы, ищут героя – заступника и целителя одновременно. От их лица говорит, взывает, требует Иакоб. И этим героем, которого все так ждют, будет женщина.

Взглянем на эту фразу еще раз.

«*Чтобы мне знать и описать труд твой*», – говорит Иакоб. И вновь не Иакоб, а вся грузинская литература в лице первого своего писателя взыскует героя для первой грузинской повести. И этим первым героем грузинской словесности, человеком великого духа и одновременно трогательно земным, запечатленным к тому же рукою выдающегося художника, будет опять-таки женщина.

На самом деле, царица Шушаник была не первой великой женщиной, которую Господь даровал грузинскому народу.

За 150 лет до нее великий подвиг апостольский совершила здесь святая Нино из Каппадокии, которая проповедала Евангелие в царствах Восточной Грузии и обратила к Христу царей и народы этих краев. Грузины весьма своеобразно отнеслись к этому Божьему дару. Святая Нино на несколько веков была забыта народом, ею просвещенным. А вместо нее апостолом Грузии почитался Просветитель соседней Армении святой Григорий Парфянский.

Этот феномен грузинской истории, по-види-

тому, не был результатом обычной человеческой неблагодарности. Историк о. Микел Тархнишвили искал объяснения ему в конфликте между национально-культурными традициями и приоритетами грузин и личностью их Просветительницы. Грузин (которых легко понять, ведь те же предпочтения и приоритеты были и у других народов), не устраивали два момента в личности святой Нино – она была женщина и она пришла в Грузию в качестве чужестранки, беглянки. Ученый находит следы этого конфликта в одном из вариантов жития св. Нино⁶.

«Зачем ты называешь себя пленницей, – просят у нее новообращенные грузины, – мы ведь знаем, что были пророки, апостолы, потом 70 <апостолов>, а к нам никого Бог не прислал, кроме тебя». Им было обидно, что имея такой сонм учеников и последователей, Господь никого не нашел для грузин, а прислал, выражаясь словами апостола Павла, бедного человека [Рим 7, 24], во-первых, женщину, а во-вторых, простую странницу. И этот конфликт завершился тем, что грузины приняли Христа, проповеданного св. Нино, но отвергли и на

⁶ Микел (Михеил) Тархнишвили, о. (1897–1958), историк Грузинской Церкви. См.: R. P. Mikheil Tarchnisvili. *Die heilige Nino, Bekehrerin von Georgien*, Analecta Ordinis Sancti Basilii Magni, Rom, 1953, 572–581; *Die Legende der heiligen Nino und die Geschichte des georgischen Nationalbewusstseins*, Byzantinische Zeitschrift, N 40, 1940, 40–75; *Nino*, Enciclopedia Cattolica, 8, Rom, 1952.

много веков предали забвению проповедницу.

Почему то же самое не произошло с Шушаник? Может быть, не в последнюю очередь, потому, что, в отличие от святой Нино, Господь даровал царице-мученице чудного дееспособного писателя, который раз навсегда запечатлел в сознании соотечественников образ своей героини. Повесть о Шушаник и сама святая царица никогда не покидали, как это случилось с другими грузинскими святыми и их житиями (например, с Григолом Хандзтели), арену национальной истории. В начале VII века гробница святой на месте ее страданий в Цуртави оказалась в эпицентре событий, связанных с разрывом грузино-армянских церковных отношений.

Позднее, как великая святая, мощи Шушаник были перенесены с окраины грузинского царства в столицу, в Метехский храм Рождества Богородицы и оказались на небольшом пространстве, отмеченном самыми трагическими и славными эпизодами национально-религиозной жизни народа – *«на месте том, что к востоку от крепости городской, которая называется Тюремной, на краю скалы... реки той великой ... по имени Мтквари»*, куда были сброшены сожженные кости святого мученика Або⁷ (VIII век), и дважды – в XIII и XVI веках были воздвигнуты гонителями Христа гекатомбы из ста тысяч, а потом еще нескольких тысяч

⁷ Мученичество святого и блаженного мученика Христова Або, Третья глава.

тбилисских христиан⁸. Даже в эпоху богоборческой власти «*Мученичество Шушаник*» оставалось в школьном курсе как памятник древнегрузинской литературы, и ученик советской школы вместе со святой Шушаник получал ужасную весть о том, что «*Варскен отверг истинного Бога*».

Считал ли сам Иакоб, что он как духовный писатель призван не только рассказать о подвиге и победе христианина над врагом рода человеческого, который в этот раз выступил в лице отступника Варскена, но и, преодолев предубеждения своих соотечественников, утвердить в их сознании в качестве народного героя и корифея того и в том образе, в каком на сей раз даровал его Господь – в образе женщины? Об этом нельзя говорить определенно. Но по воле или помимо воли автора за основной драмой повести возникает, переплетаясь с нею, драма иного рода.

Она открывается, как некая декларация, почти одновременно с первой, пренебрежительными словами дипломатичного перса, которого отступник Варскен привез из Ирана с собой: «*И сказал ему [Варскену] перс тот втайне: „...Скажу тебе: никакого жестокого слова не скажи ей, ибо женская природа тесна“*».

Впрочем, началась она еще раньше – когда, по слову автора, Варскен «*наобещал*» персидскому царю то, чего «*не имел из рук Шушаник*», но в чем

⁸ *Картлис цховреба*. II, сс. 177–178; «Символ», N 46, 2003, сс. 249–250; N 36, 1996, сс. 266–267.

отступник не сомневался: *«Которая та природная есть жена, и дети, и тех так же обращу в твою веру, как вот себя»*. Это пренебрежение, иногда подчеркнутое совсем иным обращением с другими людьми, пронизывает все поведение Варскена в отношении Шушаник. *«Ныне не избегайте меня и уж не гнушайтесь»*, – обращается он к священникам своего двора. И тут же: *«Что это взяла власть надо мною жена моя творить таковые дела? Ныне придите к ней и скажите: „Ты мой образ низложила и постель мою осыпала пеплом, и твое место оставила и в иное отправилась”*».

Откуда такая уважительность и даже заискивание перед людьми не менее зависимыми от Варскена, чем Шушаник, и такое презрение к царице?

Не потому ли, что с ней, как с женщиной и женой, у Варскена не может быть никаких духовных расхождений, а только разговор о доме, ложе и послушании мужу?

Не потому ли и мучения, которым подвергает Варскен святую царицу, больше напоминают не законное, пусть и несправедное, наказание преступника, но никакими правилами неограниченную, порой безобразную, расправу мужа над непослушной женой.

Варскен не одинок в этом своем пренебрежении.

Быть может, не просто жалость к своей царице и соображения «икономии»⁹ движут и епископом Афоцом, когда он приходит к ней уговаривать вернуться домой. Шушаник недоумевает: *«Как же говоришь мне, чтобы я послушалась <и вернулась к мужу>, ибо он Бога отверг?!»* Не понимая, что епископ, скорее всего, взирает не на ее героическую решимость, а на «тесную» женскую природу.

Это привычное презрение проглядывает в словах самой Шушаник: *«Когда бывало доньше, чтобы мужи и жены ели вместе?!»*

А кто же на противоположной стороне этого второго конфликта? Господь Бог, даровавший Шушаник великую душу, простые люди, принявшие ее, как свою героиню, и еще одна великая душа – духовник царицы и автор ее жития.

Иакоб и сам, по-видимому, хотя бы отчасти разделял, да и мог ли не разделять, общие предубеждения. Не они ли говорят в нем, когда он обращается к Шушаник с ненужными поучениями или снисходительно позволяет ей оставить при себе украшения? Но он же и сразу признает в ней великую героиню, имя которой должно быть прославлено и остаться в памяти людей. *«В брань великую вступаешь, царица, – обращается он к ней, как только завязывается трагический конфликт. – ...О чем думаешь, скажи мне, чтобы мне знать*

⁹ Икономией (греч. οἰκονομία – устройство дома, дел) в христианской церковной практике, в противоположность акривии (греч. ἀκρίβεια – строгость), т. е. решения церковных вопросов с позиции строгой определенности и неизменности догмата, называют снисходительный подход к нарушениям ради сохранения мира в Церкви и практической пользы.

и описать труд твой». Он видит перед собою не слабое и подневольное существо, которое должно подчиниться своей природе и общественному положению, как, наверное, понимают это дело ее доброжелатели епископ Афоц и деверь ее Джоджик, понуждающие Шушаник вернуться к отступнику-мужу, а человека, призванного на исключительное служение и полностью соответствующего ему.

Вначале еще Иакоб делает, вероятно, неосознанную попытку принизить значение и исключительность предстоящего Шушаник подвига, когда в ответ на ее жалобу: *«Для меня одной беды эти»*, – он отвечает сентенцией: *«Бедя твоя – бедя наша, и радость твоя – радость наша»*, которая звучит и как утешение, но и как низведение *«великой брани»* до уровня чего-то ординарного и чуть ли не общедоступного. Но в дальнейшем вся повесть Иакоба становится своего рода антитезой этой сентенции. В ней, среди всех персонажей нет ни одного, кто мог бы заменить Шушаник в ее подвиге или действительно взять на себя ее беды. И это не потому, что ее окружают недостойные и малодушные люди. Епископы, деверь царицы Джоджик, темничный страж, сам Иакоб выказывают немалое мужество, тайно поддерживая или даже прямо защищая Шушаник. Но никто из них, кроме Шушаник не смеет противостать Варскену в его отступничестве. Поистине для нее одной эти беды.

Даже смело брошенный придворными клириками в лицо Варскену, этому *«волку»* с *«горьким разумом»*, упрек: *«Погубил ты себя и нас погубил»*,

– рядом с решимостью Шушаник выглядит всего лишь как бессильное причитание. Не говоря уже об эпизодах, в которых это бессилие производило бы комический эффект, если бы не трагизм ситуации.

«Диакон некий один епископа того стоял со святой Шушаник в тот час, в который выводили ее из храма, и хотел было сказать, де: „Твердо стой!“ И поймал взглядом питиахи, другое уж недосуг было говорить, только лишь сказал: „Тве...”, и умолк же и стал убежать поспешно».

Или похожий: *«Пресвитер же один сказал ему [Варскену]: „Господин, что это творишь и говоришь так злое, и поносишь епископа, и святой Шушаник говоришь с гневом?“ А он стукнул жезлом пресвитера того по спине, и тот уже не дерзал молвить».*

«Ты... и нас погубил», – жалуются придворные клирики Варскену, свидетельствуя о своей зависимости от него. Не таковы жалобы Шушаник: *«Он [Варскен] безвременно плоды мои собрал и свечу мою угасил, и цвет мой иссушил, красоту добра моего помрачил и славу мою унизил», «ты самого себя не помиловал..., меня ли ты помилуешь»* и даже – *«ты убил меня».* Но погубить ее Варскен не может, ибо *«не порабощен брат, либо сестра».* Не порабощены не только в том узком смысле, который вкладывал в эти слова апостол. Для Шушаник не существует никаких земных уз, которыми можно было бы ее связать и погубить.

«И сказали блаженной Шушаник так: „Детей

тех твоих обратил [Варскен] к волхвованию”. Тогда начала кланяться Богу с плачем великим, и головою своею билась оземь, воздохнула и сказала: „Благодарю Тебя, Господи Боже мой, ибо и были-то не мои, а Тобою данными были. Как изволишь, да будет воля Твоя, Господи, а меня сохрани от дел вражьих”... И даже до того времени приходили дети ее те повидать мать свою; когда же обратили их и отвергли Бога, уже не дерзнули видеть ее, но даже имя их гнушалась слышать».

Возвышая Шушаник, Иакоб не принижает сочувствующих ей и по мере сил поддерживающих ее мужчин, в том числе, и себя самого, он лишь констатирует, что герой это тот, кого Господь вне зависимости от естества и положения призвал на героическое поприще и даровал мужество и силу быть героем. А если призвал Господь, то ничто – ни физическая немощь, ни зависимость от мужа, ни любовь к детям, ни слабости, свойственные полу – внимание к своей внешности, любовь к украшениям – не могут стать препятствием для великой души. Души столь великой, что ей как бы мал, «тесен» предлежащий ей подвиг мученичества, и она усугубляет его дополнительными трудами и даже философски забавляется (как в эпизоде с червем) своими мучениями. Не переродившись и отказавшись от своей природы¹⁰, а лишь облекшись

¹⁰ Как того, например, требует апокрифическое *Евангелие от Фомы*: «Ибо всякая женщина, которая станет мужчиной, войдет в Царство Небесное» [стих 118].

силою Божьей и своей непоколебимой верностью Христу, поразительно легко, одним духом восходит Шушаник на вершину подвига.

Апофеозом Шушаник становится последняя сцена повести, в которой ее тело *«весьма утруженное и изъеденное червями... епископа те оба, Иованэ и Афоц, как быки бодрые сопряженные, пренебесной той ценности, со всем собранием вместе, с псалмом духовным и кереонами возжженными и ладаном благовонным вознесли... и вынесли в святую ту церковь»*. Как воина, павшего на поле брани¹¹, как народного героя, как вождя, более того, если учесть весь евангельский антураж этой сцены, как подобие Христа, выносят Шушаник в грузинскую историю. Это первое прославление женщины в истории народа, начало и прообраз будущих апофеозов, свидетельство не только ниспосланного, но и с благодарностью принятого, особого дара Божьего христианской Грузии, который отныне станет одним из лучших украшений ее национального бытия.

II.

Явление, о котором мы собираемся говорить, особенное место, которое в жизни грузинского народа отдано промыслом женщине, в Грузии теперь хорошо известно. Его открытием и осмыслением мы обязаны в первую очередь двум

¹¹ Обращает внимание сходство этого описания с финальной сценой шекспировского *«Гамлета»*.

великим художникам и общественным деятелям второй половины XIX века св. Илии Чавчавадзе и Акаки Церетели¹², усилиями которых оно стало частью нашего самосознания.

Эпоха Чавчавадзе и Церетели была временем, когда набирало силу международное движение за права женщин, как одно из составляющих общего демократического подъема. Ничто не мешает нам считать, что выступления Чавчавадзе и Церетели были отзвуком и проявлением этого движения, так же как их демократизм был без сомнения одним из всплесков международной, если не сказать – общемировой – демократической волны.

Но у грузинских мыслителей идеи и дух, питавшее движение за женское равноправие, получили своеобразное и неожиданное развитие и нашли подходящую и весьма плодородную почву в историческом бытии грузинского народа. Ведь и в Европе это движение имело глубочайшие корни – в почетном положении, которое женщины, матроны, занимали в древнеримском обществе; в христианском учении, которое, в сущности, отвергало неравноправие мужчины и женщины; в культе Пресвятой Девы; в духовном величии выдающихся христианских подвижниц, таких как Жанна д'Арк и множество других. Но в сознании

¹² Чавчавадзе Илия, святой праведный, князь (1837–1907) и Акаки Церетели, князь (1840–1915), поэты, писатели, общественные деятели, самые видные представители эпохи национального возрождения во 2-ой половине XIX в.

многих европейцев XIX века эти предпосылки были затуманены и затемнены, и проблема женских прав получила вполне «классовый» характер, как борьба в защиту одного из угнетенных общественных слоев – из той классической триады, которую утвердил во вступлении к *«Отверженным»* Виктор Гюго – угнетенный мужчина, униженная женщина, лишенный будущего ребенок¹³.

На этом фоне подход Чавчавадзе и Церетели к вопросу о положении и роли женщины в обществе выглядит и вправду непривычно и неожиданно, и весьма своеобразно решает эту европейскую проблему. Потому что каждый из этих двух мыслителей видит в грузинской женщине не столько угнетенное и достойное жалости существо¹⁴, сколько такое существо, которое судьба одарила чрезвычайными и бесспорными, хотя и таинственными, привилегиями. К тому же это не каким-то определенным актом дарованные, человеческими усилиями обретенные или человеческим же попусшением уступленные права, но имманентные, присущие привилегии, которые грузинской женщине принадлежат по той простой

¹³ *«La dégradation de l'homme par le prolétariat, la déchéance de la femme par la faim, l'atrophie de l'enfant par la nuit»* («Унижение человека положением пролетария, падение женщины вследствие голода, поглощение ребенка мраком ночи»).

¹⁴ Впрочем, и эти, указанные выше мотивы можно найти в их творчестве, например, в повести Илии Чавчавадзе *«Рассказ нищего»*.

причине, что она родилась в Грузии женщиной.

Каждый из них – Чавчавадзе или Церетели – в соответствии с собственной личностью и своей общественной ролью видит разные стороны данного положения. Чавчавадзе, с тех пор как в 1861 году вернулся на родину после учебы в России, в течение нескольких десятков лет вплоть до своей мученической кончины¹⁵ играл в жизни Грузии исключительную роль. В условиях всеобщего и все прогрессирующего распада он олицетворял собою отца нации, противился распаду и закладывал основы будущего чаемого возрождения. Естественно, что именно человек такого призвания увидел и выделил материнский подвиг и призвание грузинской женщины – не как носительницы биологической функции сохранения и размножения народа, но как покровительницы и хранительницы духовного сокровища нации.

В жизни такого народа, как грузинский, которому на протяжении бесчисленных веков волей или неволей приходилось иметь тесные взаимоотношения с могущественными народами самого разного культурного уровня и ориентации, и который к тому же не был огражден склонностью к замкнутому и самодостаточному существованию, такой материнский подвиг имел неопределимое значение для сохранения национальной идентичности. Быть может, большее, чем прославленная военная удаль грузинских мужчин, поскольку эта внешняя

¹⁵ В 1907 г. был убит членами террористической организации.

ограда нации не однажды подводила нас, внутренняя же крепость – иссеченная и изборожденная – поныне остается несломленной. Эту крепость, разумеется, утверждали не только женщины, но грузинская история со свойственной ей демонстративностью подчеркнула именно женский вклад.

Разве естественное и обыкновенное в жизни народов явление, что именно женщин находим мы на месте наставниц грузинских исторических деятелей первой величины, в тот период их жизни, когда закладываются основы человеческой личности, – рядом с Григолом Хандзтели, Гиорги Афонским, царицей Тамар, Гиорги V Блистательным, Александрэ I Великим, с Илией Чавчавадзе, или то, что два самых известных списка «*Картлис цховреба*» – сборника грузинских летописей, сокровищницы и символа национальной памяти, носят имена двух женщин – цариц Анны и Марии, ибо были изготовлены по их заказу?

И все-таки, не случайные ли это моменты? На это вновь дает нам ответ Чавчавадзе. Он имел дар такого созерцания, которое за внешним знаком и его посредством способно было разглядеть существенные свойства национальной жизни. Одним из таких средств был для него грузинский язык. Так, он обратил внимание на то, что на грузинском слово «*милость*» («*моцк`алеба*») и созвучные ему имеют в корне своем слово «*вода*» («*тцк`али*»), и из этого сделал вывод, что в те незапамятные времена,

когда создавались древнейшие слои грузинской лексики, носители этого языка жительствоваали в пустынных, безводных местах, где вода являлась большой ценностью¹⁶.

Возможно, вывод Чавчавадзе небесспорен, и грузины по какой-то иной причине усвоили воде столь большой почет, но несомненно, что он подметил и выделил такой признак, который ведет к глубинным слоям коллективного сознания, туда, где хранится тайна национального своеобразия.

Илия Чавчавадзе не занимался подобными исследованиями систематически, иначе, надо думать, он сделал бы не одно еще интересное открытие. Таким же, если не еще более плодотворным было его наблюдение над тем поистине удивительным местом, которое в грузинском языке утвердилось за словом «*мать*» («*дэда*»). И другим языкам не чуждо употребление этого слова в переносном и почетном значении: «*alma mater*», «*amma Roma*», «*мать-земля*», «*Киев – мать городов русских*». Все же все эти примеры остаются в пределах умеренного и понятного, поскольку всегда указывают на нечто порождающее, питающее, родное и издавна любимое.

А в грузинском языке мы встречаем столь необычайно и безмерно разросшуюся сферу употребления этого слова, что по сути меняется

¹⁶ Быть может, к тому же ряду относится и обычай, сохраняющийся в Восточной Грузии, дать напиток сначала младшему по возрасту: «*Воду – младшему, вино – старшему*».

мировоззренческий подход к нему. Грузинский язык соглашается с мыслью других языков или других народов, когда матерью называет землю («дэда-митца» – «мать-земля») или главный город страны («дэда-кхалакхи» – «мать-город»). Хотя и тут есть особенность, ибо это не дополнительные, поэтические именованья, но основные названия предметов, явлений, исходные термины. Но в совершенно другую сферу вторгается язык, когда «матерью-столпом» («дэда-бодзи») называет главную опору здания или сочиняет странное словосочетание «мать-мысль» («дэда-азри» – «смысл»), чтобы указать на центральное, главное в мыслимом, так сказать, мысль мысли.

Здесь, вместо понятной – естественной и сентиментальной – метонимии перед нами предстает какой-то сложный маневр мысли, в котором находит свое выражение характерная для мышления грузин аномалия, в силу которой мать занимает центральное место в системе мира.

«Насколько возвеличено значение матери, – восклицает Чавчавадзе, – насколько разнообразно, почтено, усилено, укреплено, удостоено, – не сдерживает восхищения первооткрыватель этого явления, и прибавляет: – Слово „женщина” разве скажет нам столько, сколько говорит величественное слово „мать”».

Это последнее замечание проясняет, в каком разрезе видел Чавчавадзе открытую им достойную внимания черту. Но от плененного блистательным

откровением о грузинской матери отца нации ускользает, что родной язык не совсем соглашается со своим великим таинником и попечителем в этом последнем толковании и разъяснении и не поддается такому поспешному обрыву мысли и противопоставлению матери и женщины.

*«В грузинском языке, – поправляет великого учителя современная исследовательница, – и по-другому отразилась почетная роль женщины и особое положение, которое она занимала в жизни народа: девушка с парнем, девочка с мальчиком, мать с отцом, жена с мужем, сестра с братом, – так говорит и пишет грузин»*¹⁷. И правда, неужели тут только особенности словосочетания и ничего другого, и почему же словосочетание у грузин сложилось столь странно, что имя женщины во всех его вариантах обязательно должно предшествовать соответствующему именованию мужчины.

Само слово «дэда», которое Чавчавадзе выделил, возлюбил и превознес над всеми другими словами, не совсем соглашается с интерпретатором. Родственные и от того же корня произведенные слова «мдэдри», «мдэдробитһи» («женский»), «дэдатһа монастэри» («женский монастырь») свидетельствуют, что слово «дэда» в представлении грузина было в известной степени параллельным к слову «кһали» («женщина»), как и «мама» («отец»), с соответствующими производными – «мамри», «мамробитһи», «маматһа» параллельным слову

¹⁷ Ц. Ардашелиа. *Сокровище добродетели*. 1986. с. 30.

«каци» («мужчина, человек»). А значит, в примерах, приводимых Чавчавадзе — «дэда-эна» («мать-язык», т. е. родная речь), «дэда-бодзи», «дэда-азри» в центр творения поставлена вообще женщина, сама женщина, а не только одна биологическая и социальная, пусть и мистическая, функция ее — материнство.

Акаки Церетели именно этой стороне явления уделил преимущественное внимание. В отличие от отца народа Илии Чавчавадзе, Церетели был певцом народа, выразителем его сердечных помышлений более поверхностным и торопливым, но зато и более непосредственным образом. Отец и вождь народа искал соратника, помощника в сохранении и укреплении национальной семьи, и находил его в грузинской матери. Акаки Церетели — от избытка любви говорящее сердце народа, певец его светлого будущего, ищет предмет для поклонения, путеводную звезду нации, чтобы служить ей и воспевать, и находит ее в грузинской женщине. Он привносит в общественное сознание нечто новое, и неслыханное доньше, по крайней мере, не выражавшееся столь ясно — духовную, «идейную» любовь к женщине-грузинке.

Такое превознесение представительницы женской половины нации не было чем-то беспримерным в мировой литературе, искусстве и вообще культуре XIX века. Так, все творчество великого Бальзака это в то же время похвала француженке, хотя в духе Франции и Парижа как мировой

столицы и перекрестка, доля в этом досталась и представительницам других народов. Так, Мицкевич и Пушкин воспели женщину-польку, и тот же Пушкин и Некрасов – русскую женщину. В каждом из этих случаев восприятие прекрасной половины того или иного народа возвышается до философского, мировоззренческого уровня, и эта сторона народной жизни предстает, как самостоятельное явление, значительное и зримое проявление национального духа, национального гения.

Но даже на этом впечатляющем фоне, подход Акаки Церетели, кажется в высшей степени смелым и возвышенным. И Церетели знаком с более низким, земным уровнем, так сказать, национальной женственности. И он возносит хвалу живой грузинской женщине, которая вращается в той же, где и он, житейской сфере, укоряет ее, когда не находит ее на высоком уровне нравственности и национального сознания, а то и, в сердцах, отлучает, отсекает ее от грузинской нации. Но наступают минуты, когда взор певца отрывается от этой грешной земли и устремляется к небу родины, и в эти минуты перед его глазами возникает чудесное виденье – три ангела-хранителя его родины, и все три лица этой троицы – женщины: святые Нино, Тамар и Кетеван.

Это высшие покровители, вожди, утешители не какой-то части – женской, как можно было бы думать, но всего грузинского народа. На их уровне

Церетели не мыслит никого другого, а выше только Богородица и Сам Бог-Троица.

*Но светоч Грузии
В Богородицын день сон один
видел: сошли на землю
Нино, Кетеван и сама Тамар.
Тамар имела на главе венец победы,
А Кетеван – <венец> святого
мученичества,
Нино держала в руке крест лозный,
Знак великого христианства.
К небу устремили все трое взоры,
К Грузии простирали руки
И совместно, слаженно
Пели сладостное песнопение:
Мать Божия! Твой удел
Эта Грузия многострадальная,
Отпусти ей грех!.. Не отнимай руки,
Милостиво обрати к ней сердце!..
Подай благословение с небес, Вышня,я,
И назнаменуй мощно крестом,
Чтоб возродить народ грузинский,
Днесь падший и полуживой!
Его мужества, его нравственности
Утверждай воспарение,
И для Твоей похвалы, для величания
Не дай ему забыть этот сладостный язык,
На котором Тамар отдавала повеления,
Кетеван вечно Тебя славил,*

*А Нино Сына Твоего заповедь
Тобою избранному народу
проповедовала!*

Ярче всего это явление, это мистико-поэтическое видение отразилось в поэме «*Торникэ Эристави*» (1884), посвященной одному из основателей Иверской Афонской Лавры¹⁸, но и в других поэтических и прозаических творениях Церетели можно обнаружить след того же озарения. На этой церетелиевской троице, увиденной или воображенной им, лежит явственный отпечаток Троицы Небесной. Она является не только в известном смысле единосущной, единоприродной, ибо состоит из трех женщин, но и троицей полной. В лицах этих трех святых женщин даны: божественное начало, или по выражению Церетели, «*великое христианство*» (апостол Нино), могущество (царица Тамар) и жертвенность (великомученица Кетеван). При этом, Церетели называет лишь по одному главному, преимущественному свойству этих трех национальных ангелов-хранителей. Но за этими добродетелями первого плана и он, несомненно, видел то, что разумел в своих возлюбленных дочерях грузинский народ, — внутреннюю и внешнюю красоту, смирение, благость, непоколебимость, отвагу и так бесконечно.

Если мы примем во внимание все это, мы увидим, что эти три личности, собранные вместе,

¹⁸ См. о нем: «*Символ*», N 34, 1995, сс. 360–364.

обладают поистине полностью добродетелей и уже не нуждаются в прибавлении кого-либо еще, прямо скажем, кого-нибудь из мужчин – героев грузинского народа. Ибо все те добродетели, скажем, мужество, отвага, твердость, бесстрашие, которые считаются принадлежностями мужской природы, уже представлены в этой троице. И эти три ангела-хранителя Грузии в полноте воплощают собой самые возвышенные представления и устремления своего народа.

Илия Чавчавадзе в этом смысле более сдержан и умерен. В женщине-грузинке он ищет помощника, сотрудника, призывает ее занять на национальном поприще свое весьма почетное место, гораздо более почетное, чем в любом другом народе, но сам, в качестве мужчины-грузина не собирается уступать первенство, ведущую роль. Церетели же, плененный идейной страстью, по-видимому, готов уступить само это первенство: в женщине-грузинке – разумеется, в лучших представительницах этого рода – он ищет и находит не только примеры добродетелей, как для женщин, так и для мужчин, но зеницу народного ока, предводителя и высшего покровителя нации.

Как бы смело, неслыханно, революционно ни выглядели взгляды Чавчавадзе и, особенно, Церетели, уже их исходная точка – историческое бытие грузинского народа – показывает, что и один и другой не самовольничают и не навязывают нам свое личное мнение, но всего лишь выс-

тупают интерпретаторами национальной действительности, грузинской истории.

Их заслуга не в том, что они выдвинули некую новую идею, но в том, что они разгадали и ясно представили одну имманентную, блестящую и многозначительную линию национальной истории. Каждый из них в соответствии со своими личностными свойствами и призванием останавливал взор на более ясной для него и близкой стороне этого единого явления. Праведный Илия как будто лучше различал те примеры, которые скромно, смиренно прятались в каждодневности, буднях народной жизни. Акаки же Церетели – те, что бросались в глаза, блистали на поверхности.

Эти явления обоих планов составляют неразрывное целое, и те и другие играли животворную роль в нашей истории. Но, возможно, в этом случае поверхностный и восторженный имеретинец Церетели оказался более прозорливым, чем степенный и углубленный сын Кахети Чавчавадзе, и обратил внимание на более оригинальную сторону этого двустороннего явления. Чего как будто желало само провидение и потому представило целым рядом необыкновенных личностей.

Действительно, чтобы обнаружить силу материнского призвания в грузинском народе, чтобы понять, насколько *«возвеличено здесь значение матери»*, что значит благодать царицы Русудан¹⁹

¹⁹ Тетка и воспитательница царицы Тамар.

или Макринэ Чавчавадзе²⁰, нужно углубиться в грузинские летописи, хотя бы в малой мере уподобившись Илии Чавчавадзе, взглядеться в жизнь народа и стать сотаинником грузинского языка.

Напротив, ничего из этого не нужно для того, чтобы узнать о славе святой Нино или святой Тамар. Их имена ведь зачастую опережают имя страны, и нет ничего удивительного, если какому-нибудь чужеземному почитателю имена этих святых подвижниц говорят больше, чем вся Грузия с ее историей и культурой.

Драматический и таинственный момент этого двуединого явления – грузинская женщина-мать – составляет то, что именно лучших и самых блистательных женщин Грузии провидение не увенчало материнской славой. Оно наградило их знаками великого христианства, великого одоления и великого мученичества, но не дало им знака великого материнства. Можно даже сказать, хотя с этим нелегко примириться, что их подвиг в некотором роде противопоставлен подвигу материнства. Говорить о материнстве девы Нино излишне, но даже те, кому выпало быть матерью, Тамар и Кетеван, не очень прославились в своих детях.

Тамар и ее муж Давид Сослани своего сына Гиорги называли Лашей, *«что значит светило*

²⁰ Тетка и воспитательница Илии Чавчавадзе.

мира»²¹, видно, исполненные надежды, что сын таких отца и матери несомненно явится миру как новое солнце. Но в действительности дети Тамар – Гиорги и дочь Русудан, последовательно правившие после своей матери, по своим моральным качествам и государственным способностям – Бог да простит им! – это великая неудача материнского призвания великой царицы, катастрофа Тамар-матери, подчеркнутая и ставшая для Грузии незабываемой и до сих пор неисцеленной раной, благодаря соединению с национально-государственной катастрофой, совпавшей как раз с царствованием детей Тамар.

Таким же неуспешным – несколько в другом виде и измерении – было и материнство Кетеван. И хотя грузинский народ и Церковь святую Нино называют матерью, званием, которое можно было бы отнести и к Тамар, и Кетеван, понятно, что к этому именованию прибегают вместо другого определения, которое более точно отвечало бы общественному призванию этих лиц. И этой неточности способствует как раз то, что Нино, Тамар и Кетеван являются женщинами.

Мы ведь не менее справедливо могли бы назвать их и отцами народа. Не случайно ведь, скажем, историк царицы Тамар делает попытки перевести ее в категорию мужчин («повелела, – пишет он, – ...неженским словом»), хотя во множестве сохранил в своем повествовании знаки чисто женского соз-

²¹ *Картлис цховреба*. II, с. 151, прим. 2.

нания и духа великой государыни.

Ясно, что призвание этих трех личностей не вмещается в понятие материнства. Об этом свидетельствуют, например, и тропарь из церковной службы святой Нино, где она именуется так: «*Предводительница народа грузинского на путях правды...*» или слова из народной песни, посвященной царице Тамар: «*Тамар, око мира*».

Умаление материнской славы в величайших женщинах страны, где «*так возвеличено имя матери*», несоответствие их личной судьбы традиционному идеалу нации, не может и никогда не воспринималось, как вообще умаление значения в жизни народа этого естественного призвания женщины и, по-видимому, несет в себе какой-то иной смысл. Не опасалось ли провидение, что, если эти избранницы будут украшены более или менее счастливым и славным материнством, в представлении людей оно полностью поглотит другую, в данном случае, более важную и более трудную для восприятия идею, которую воплощали эти женщины, их жизнь и их подвиг?

Напротив, другого ничего не пожалела для них судьба. Этих трех женщин наша история удивительно превознесла, всесторонне подготовила их славу, украсив их с завидной предусмотрительностью, по-видимому, для того, чтобы никто не мог сомневаться, что они являются предметом особой ее заботы, избранницами среди избранных.

Святой Нино досталась единственная и непов-

торимая роль духовной просветительницы нации, породившей грузинский народ для новой жизни и новой судьбы. Роль, которая у всех других народов досталась мужчинам.

Правда, в истории Вселенской Церкви еще несколько женщин украшены венцом апостольства, из которых наиболее известны на Востоке царица Елена, мать Константина Великого, и великая княгиня Ольга, бабка просветителя Руси князя Владимира Святого. Но они легче вмещаются в обычные рамки, предстают скорее как *«матери»*, родительницы и воспитательницы просветителей. К тому же их религиозный или религиозно-государственный подвиг был облегчен тем обстоятельством, что они действовали у себя на родине, где занимали высокое и почетное положение. Это отнюдь не умаляет значение этих славных героинь нашей общей христианской истории²². Но в их случае жизнь не подчеркнула того, что выделила в отношении св. Нино: что просветительница грузин взяла на себя апостольский подвиг в том объеме, который как будто был под силу только мужской выносливости и отваге. Нино пришла в Грузию *«от края земли»*, появилась в чужой стране

²² Монах Синайского монастыря Иоанн-Зосимэ (X в.) в пророческом тексте *«Хвала и слава грузинского языка»* именует равноапостольных царицу Елену и Нино сестрами, подобными Марфе и Марии [см. *Лк* 10, 38–42]. *«Чвени саундже. Грузинская письменность»*, 1, 1960, сс. 457. См. сс. 511–513 данной книги.

в образе пришельцы без роду и племени и здесь, из этого низжайшего и ничтожнейшего положения только лишь силою действующей в ней благодати возвысилась до положения духовного предводителя и величайшей святыни нации.

Она не только подражала первым апостолам – непосредственным ученикам Христа, но кое в чем превзошла их. Хотя бы в том, что первые проповедники Евангелия в Грузии – апостолы Андрей и Симон Зилот, а затем тот же Андрей уже с Матфием²³, приходили в Грузию по двое, как их и посылал на проповедь Сам Господь, святая же Нино – эта «невинная голубица», отважилась на то же самое в одиночку. При этом, ее проповедь сопровождалась такими знаменами, такими явлениями исключительной красоты, таинственности и мощи (лозный Крест²⁴, Животворящий Столп²⁵ и др.), которые придали миссии Нино неповторимый облик. Среди них можно выделить дарование 10 особых заповедей, часть из которых можно рассматривать, как прямую

²³ Апп. Симон Кананит и Матфий (избранный вместо Иуды Искаротского) оба мученически закончили в Грузии свой земной путь, Симон в Абхазии, близ Сухуми, а Матфий в Аджарии, близ Батуми.

²⁴ Врученный св. Нино Пресвятой Богородицей. Одна из главных святынь Поместной Церкви Грузии.

²⁵ Явление которого было при постройке св. Нино первого грузинского храма. Находится внутри нынешнего храма Светицховели, построенного в XI в. и восстановленного в XV в. царем Александр I и его теткой Русой.

небесную санкцию не только на деяние самой Нино, но и вообще на женское апостольство и служение Церкви²⁶.

С таким же, если не большим, блеском судьба подготовила и украсила царствование Тамар. Она не только выделила время Тамар, как высшую, блистательнейшую и недосыгаемую эпоху в 3-тысячелетней истории Грузии. Правлению Тамар предшествовали царствования трех самых великих, во всяком случае, самых успешных грузинских царей – Давида Строителя, Димитри I и Гиорги III, превративших XII столетие от Рождества Христова в золотой век своей страны. Но никто из них не удостоился почитания, равного поклонению перед святой царицей. Все эти царствования лишь этапы, ступени, которые ведут нас к подножию Тамариного пьедестала. Можно сказать, что трех этих великих царей и целое столетие наивысшего в грузинской истории государственного могущества

²⁶ *«Тогда человек тот < явившийся св. Нино в сонном видении > раскрыл ей книгу ту, на которой была печать Иисуса Христа и написаны были в ней языком ромейским десять слов подобно как на досках каменных Моисеевых».* – Гоброн (Михаил) Сабинин. *Рай Грузии*. СПб, 1882, с. 127 (на грузинск. яз.). 1, 2, 7 и 9 заповедь гласят: *«Где будет проповедано Евангелие это, там же буде сказано и о женщине этой»* [ср.: Мф 26, 13]; *«Ни мужская < природа >, ни женская, но все вы одно»* [ср.: Гал 3, 28]; *«Ибо весьма любил Марию Господь, ибо всегда внимала Его премудрости истинной»* [ср.: Лк 10, 39; Ин 11, 5]; *«Сказал Марии Магдалине Иисус: иди, женщина, и благовестуй братии Моей»* [ср.: Ин 20, 15–17].

и культурного расцвета промысел сделал всего лишь преддверием славного царствования Тамар.

Тот же промысел собрал при Тамар блестящее окружение и саму царицу украсил такой чело-веческой привлекательностью и такими внешними и духовными дарами, что при ее жизни не только в Грузии, но от Востока до Запада *«обезумевали из-за нее все слышавшие о таком ликосиянии ее»*, – как сообщает нам ее историк. И не только люди. *«Некогда шарваше²⁷ прислал львенка, они [Тамар] воспитали,* – сообщает один из историков святой царицы. *– И столь великим и ужасным стал, что ни дикого, ни домашнего воспитания никто не видал такой сказки. И когда приводили во дворец, такую имел ласку, влечение и любовь к Тамар богопросвещенной, что за двойные цепи оттуда и отсюда взявшихся людей упирание не удерживало, пока голову в пазуху не положит ей и лижет, как древле некогда мучеников метафрасы²⁸ повествуют. А когда удержат и упрутся, подобные ручью слезы испускал из глаз, которые орошали землю»²⁹.* А потом Тамар навсегда стала для грузинского народа воплощением земной красоты и мистической высоты человека.

Если святую Нино народ и Церковь именовали «купелью», Тамар называли храмом – «храмом,

²⁷ Ширван-шах, шах Ширвана.

²⁸ Т. е. жития.

²⁹ *Картлис цховреба*, Тб., 1959, т. II, сс. 61–62.

*подобным Гелатскому»*³⁰, то есть тем, в чем преимущественно жительствоует Дух Божий, самым святым и возвышенным, что только может быть на земле.

Нескончаемые походы Давида Строителя, его личное героическое подвижничество, совершенное им дело – объединение всей Грузии, включая столицу Тбилиси, его необычайно многогранная личность, – все это готовый материал для национального эпоса, для грузинской «Илиады» или «Энеиды», но промысел, не оставив, впрочем, и этого великого царя без талантливой жизнеописателя – одного из лучших в грузинской исторической литературе, не ему, а эпохе Тамар и ей самой, тихой и нежной, дарует величайшего грузинского и одного из великих мировых поэтов.

И наконец завершающее действие небесной драматургии лишило наследников святой царицы самой возможности стать рядом с нею, ибо одним мановением уничтожило и обратило в прах могущество Грузии, и вообще перевело в иной регистр всю историю этой страны и народа.

И из того исторического чистилища, которым стали последующие восемь веков нашей истории (Жамтаагмцерели, летописец последующей эпохи, даже называет ее адом³¹), именно царствование

³⁰ Храмы Гелатского монастыря были построены святыми царями Давидом Строителем и сыном его Димитри I.

³¹ *Картлис цховреба*, т. II, с. 151; «Символ», N 46, 2003, с. 233.

Тамар видится как счастливое, возделенное время, потерянный грузинский рай, и именно ее имя приобрело волшебную, целительную силу для идущего тернистым путем грузинского рода-племени.

Рассматривая и сравнивая дела и славу Давида Строителя и Тамар, как будто ясно видишь историческую несправедливость. И вправду, неужели и Тамар сделала столько же, сколько ее великий прадед? Неужели и она объединила Грузию, вернула Тбилиси, очистила Церковь, неужели и Тамар шла впереди полков, идущих на великую брань, и ее пазуха наполнялась стекавшей с рукояти меча вражеской кровью?

Поистине, Тамар внешним образом не сделала и десятой доли того, что совершил Давид Строитель. И если ей за как будто меньшие дела досталась большая слава, если провидение с таким усердием готовило ее величие, если именно Тамар вдохновлено высочайшее проявление грузинского духа – *«Витязь в барсовой шкуре»*, не свидетельствует ли это, что ее духовную высоту, ее природную силу и качество нельзя полностью выявить через ее земные, внешние дела? Тамар, надо думать, такой феномен, содержание которого по большей части покрыто тайной, подобно тому, как пророчествовал Давид псалмопевец о Деве Марии: *«Вся слава Дщере Царевы внутри, рясны златыми одеяна и преиспещрена»* [Пс 44, 14]. И ее дела лишь *«рясны златые»*, украшающие ее

внутреннюю славу.

По-другому, но не менее усердно промысел Божий подготовил и прославление Кетеван. Самопожертвование Кетеван, если рассмотреть его в исторической перспективе, своего рода венец и символ мученического подвига всего грузинского народа. И в этом аспекте, как вся эпоха грузинского возрождения видится подготовкой апофеоза Тамар, так и последовавшая за Тамариным царствованием кровавая история Грузии видится подготовкой мученической славы Кетеван.

И когда настает назначенный для Кетеван час, провидение, будто ему малой показалась грузинская сцена, в Персии готовит ей поприще. И как бы в знак того, что столь великий подвиг не может вместиться в рамки одной страны и одной части Церкви, последними утешителями на скорбном пути ей посылаются католические монахи из Португалии. Кетеван, как избранной жертве, предшествуют как малые жертвы два ее внука, замученные там же в Персии. Ради Кетеван как будто останавливается и обращается вспять время и мир снова становится свидетелем того, чего не видел со времен Диоклетиана: личное противоборство одного из могущественнейших и жесточайших в истории тиранов и христианской мученицы, на этот раз шаха Аббаса и Кетеван. Снова идут в ход те же приемы и орудия, которые некогда доставили земную славу и небесные венцы святым великомученикам Георгию и Димитрию, Екатерине и Февронии. Вновь горит

огонь, готовятся раскаленные щипцы, кипящая вода и подобное тому.

И наконец, как необычное, неожиданное увенчание подвига царицы Кетеван, ее не просто возвращают родной земле, чтобы сделать ее чтимой святыней своего маленького народа. Нет, Грузии и грузинам уступают лишь одну часть ее истерзанного тела³², другая же часть остается братьям ее страстей – католическим монахам-августинцам, которые увозят мощи Кетеван в Гоа, Индию, в основанный их орденом в 1602 году монастырь святого Августина, и в Рим, в собор Святого Петра, где они почивают и поныне³³.

Так, ради великомученицы Кетеван вновь соединяются две великие ветви вселенского христианства, возвращается тысячелетнее единство,

³² Голова и правая рука были переданы царю Теймуразу, и с царскими почестями похоронены в соборе святого Георгия в Алавердском монастыре.

³³ Кроме Алавердского монастыря, собора Святого Петра в Ватикане и монастыря в Гоа, мощи святой царственной великомученицы находятся еще в нескольких странах. Часть мощей, ранее принадлежавшая княжескому роду Цицишвили (Цициановых), а затем пребывавшая в Троице-Сергиевой Лавре, в 2006 году по благословению Патриарха всея Руси Алексия II была передана Грузинской Церкви. Значительная часть мощей хранится в соборе бельгийского города Намюра. В Лиссабоне, в монастыре Ла Граса есть настенное изображение страстей св. Кетеван, под которым сохранились имена свидетелей ее страстей монахов Амброзиу дус Анжуса, Грасиану и Миссионариу.

которое, впрочем, в Грузии никогда не было окончательно отвергнуто и забыто.

Всего лишь за два года до этого там же, в Персии скончался другой славный мученик – святой Луарсаб. Он тоже был грузинским (картлийским) царем, из той же прославленной династии Багратионов, к тому же мужчина, которому более бы пристал этот великий подвиг. Но не мужчину, а именно женщину призвал Вершитель грузинской истории на эту избранную, особую роль.

Акаки Церетели подводит такой итог исторической роли этих трех славных женщин. *«Учителей веры, – пишет он, – и проповедников никогда не была лишена Грузия. В том числе, даже апостолов Первозванного Андрея и Симона Кананита, но ни один из них не сумел того, что сумела одна слабая женщина просветительница Нино. Бесчисленны мученики за наш народ и веру, но все же величайший пример показала женщина – царица Кетеван. Царствование Горгаслана, Багратов, Давида Строителя, Гиорги Блистательного и других окружают сиянием царский венец вообще, но и здесь превзошла всех женщина – царица Тамар. Они являются историческими учителями веры, терпения и мудрости».*

Правая вера, созидание христианского государства и культуры, мученичество за Христа – это главные призвания грузинского народа; и каждое из этих призваний наиболее полно, наиболее ярко выражено в личности и делах трех этих женщин

– равноапостольной жены, святой царицы – музы великого поэта, героини-великомученицы.

III.

Достаточно было бы и этих трех святых, чтобы говорить о весьма красноречивой особенности. Но за ними видятся на втором и третьем плане, в некоторой тени, лица других женщин, примеры которых свидетельствуют, что Нино, Тамар и Кетеван – не изолированные фигуры, а ярчайшие проявления некоей закономерности национальной жизни.

Одну из этих замечательных женщин заново открыл и явил миру великий ученый Иванэ Джавахишвили. Знатокам грузинской истории известно то дело, которое совершил для своей родины грузинский царь Александрэ I и за которое был назван Великим, в годы своего царствования (1412–1443) по-своему повторивший деяние Давида Строителя и возродивший Грузию, буквально сравненную с землей в результате восьми нашествий Тамерлана, с ее крепостями, храмами и монастырями. Царь с этой целью ввел специальный налог и постепенно восстановил многочисленные сооружения на территории Грузии. Это замечательное деяние – одна из блестящих страниц во всей грузинской истории, одно из явных и впечатляющих проявлений уди-

вительной жизнеспособности и созидательного духа, которым Господь благословил наш народ. Но сейчас для нас, в первую очередь, примечательно то, что и это титаническое свершение стало еще одним способом прославить грузинскую женщину. Ибо примером и пролагателем пути для царя Александрэ, оказывается, была опять женщина – его бабка княгиня Руса. Именно она взялась на свои средства за восстановление разрушенного Светицховели – кафедры грузинских католикосов и тем дала первый толчок и пример, положила начало всей строительной деятельности царя.

«Несомненно, – пишет Иванэ Джавахишвили, – Руса должна была быть необыкновенной личностью, обладательницей великого мужества и воли, человеком, награжденным способностью к государственному строительству и почину. В уничтоженной Тамерланом Грузии она первая проявила настоящую отвагу и мужество: несмотря на многообразную нужду и препятствия, она дала всем ободряющий пример обновления и возрождения страны. В то время, как вся страна, после диких набегов „нечестивого Тимура“, „изшла безутешно“, величественные храмы, крепости и города Грузии были разрушены и многое множество сел сожжено дотла, и к тому же „было всегдашнее пленение и разорение Грузии“, вот в такое время, эта женщина, уже весьма пожилая, не потеряла надежду и приступила к восстановлению варварскою рукой разрушенного

прекрасного памятника грузинского искусства и живого упования. С юношеским увлечением взялась она за это славное дело, „изукрасила церковь и начала строить столпы церковные”. Правда, она не дождалась окончания этого дела и завершил его сам Александрэ, но главное было уже сделано, был дан толчок и ободряющий пример»³⁴.

Есть еще одна замечательная подвижница, достойная занять место рядом с Нино, Шушаник, Тамар и Кетеван, имя и дело которой нуждается в новом открытии и предъявлении миру, подобно открытию Иванэ Джавахишвили личности и деяния княгини Русы. Она, как и Шушаник, является героиней шедевра агиографической литературы, правда не самой главной³⁵. Несколько лет назад по решению Синода Грузинской Церкви вместе с другими учениками и сподвижниками святого Григола Хандзтели она присоединилась к своему духовному отцу в лике прославленных святых, но до сих пор еще не удостоилась отдельного внимания и оценки.

Архимандрит Григол Хандзтели († 861), строитель монастырей и воспитатель монахов – человек великого духа, истинный исполин среди грузинских отцов, собрал под свое крыло множество любителей возвышенной, созерцательной жизни. Среди них была и монахиня по имени Феброния.

³⁴ Ив. Джавахишвили. *Сочинения*, т. III. Тб., 1982, с. 246.

³⁵ *Житие святого Григола Хандзтели*. 2008, 2018; «Символ», N 42, 1999, сс. 247–341.

Она с самого своего появления заняла особое место среди духовных детей великого Григола. Уже ее первое упоминание на страницах повести подано Гиорги Мерчулэ, биографом Григола Хандзтели, такими торжественными словами и тоном: *«А достоблаженная и чудесами украшенная мать Феброния прибыла из Самцхе и поселилась в Мерэ. И достойному житию и духовному промыслению ее не было предела. И божественной любовью святой единомышленны и дружны были весьма блаженные эти Божии люди – мать Феброния и отец Григол»*³⁶.

Примечательно, как уравниены друг с другом с самого начала эти «Божии люди» – мать Феброния и отец Григол, и как, следуя грузинскому, уже установившемуся или устанавливаемому, способу речи, автор, наподобие «девочки с мальчиком» и «матери с отцом», называет мать Фебронию впереди отца Григола.

На какую высоту ставил эту подвижницу сам преподобный Григол, обнаруживают его слова, обращенные к домоправительнице царя Ашота Куропалата, которую он поместил в монастырь Мерэ, чтобы разбить постыдную связь между царем и этой женщиной. *«Дитя мое, ныне соделалось спасение души твоей, ибо к достоблаженной матери Фебронии увожу тебя»*³⁷.

³⁶ *Ibidem*, глава XI, с. 70; «Символ», N 42, 1999, сс. 265–266.

³⁷ *Ibidem*, глава LV, с. 147; «Символ», N 42, с. 301.

Замечательна и рыцарственная готовность признать величие женщины, которую являют выдающиеся грузинские мужи – Григол ли Хандзтели, или Гиорги Мерчулэ, или Иванэ Джавахишвили, или Илия Чавчавадзе, как только они видят это величие.

Мать Феброния, кажется, единственная из всей большой духовной семьи, собравшейся вокруг хандзтийского архимандрита, кто выступает как равная ему, сохраняя при этом чувство благоговения перед великим подвижником.

Она называет его братом³⁸. Она обращается к нему с увещанием по поводу монахини, которую некогда о. Григол проклял за прелюбодеяние, клевету и разрушение семьи, и которую по смерти трижды находили выброшенной из общей гробницы Мерийских сестер. В своем послании к Григолу по этому поводу мать Феброния превозносит его, как божественного учителя, утверждение верных, государей нелицеприятного обличителя и т. п. И именно такому лицу, спокойно и твердо, как человек, знающий цену своему слову, дерзает она дать совет, указание: *«Однако ныне время прощения, сотвори милость для обреченной той женщины, как приличествует святости твоей»*³⁹.

Замечательно и ответное письмо Григола, обращенное к усопшим сестрам Мерийской обите-

³⁸ *Ibidem*, глава XXIX, с. 107; «Символ», N 42, с. 282.

³⁹ *Ibidem*, глава LVII, с. 154; «Символ», N 42, с. 305.

ли, с дозволением и просьбой принять к себе и дать упокоиться телу раскаявшейся женщины. Оно исполнено настоящего духовного восторга.

«Христолюбивцы, правила этого мира в короткое время от отрочества вашего даже до смерти одолевшие Христа ради... Вы – умудрых блаженные и у невежд неведомые, бесконечное богатство, подобно доброму купцу, временным скупавшие, ныне же спящие плотью и бодрствующие духом, у мертвых почитаемые мертвецами и во веки живые от Христа..., землю в небо обращающие, цветы девства, уподобившиеся Матери Божией... Вы, от немощи неизменной силы достигшие..., ибо имеете благодать помогать верным и ожидаете нескончаемой славы и невыразимой радости, которой и достигнете»⁴⁰.

Чем больше вглядываешься в личность матери Фебронии, как ее рисует Гиорги Мерчулэ, тем более возвышенной и неожиданной она представляется. Как бы между прочим сообщает Гиорги, что *«таков был и обычай того времени отцов настоятелей, ибо без совета с матерью Фебронией ни за какое дело не брались»⁴¹*. А ведь *«того времени отцы настоятели»* – это сам Григол Хандзтели и его избранные ученики, т. е. собрание величайших в истории Грузинской Церкви подвижников, которых можно сравнить лишь с кругом препп.

⁴⁰ *Ibidem*, глава LVIII, сс. 155–156; «Символ», N 42, с. 305–306.

⁴¹ *Ibidem*, глава LV, с. 147; «Символ», N 42, с. 302.

Иоанэ Зедазнийского⁴² и Иованэ Святогорца⁴³. Из этого собрания происходят два деятеля Церкви, прозванные Великими за особую духовную силу и плодотворную деятельность – Католикос-Патриарх Арсени и митрополит Эфрем, о котором Гиорги Мерчулэ сообщает: *«Этот блаженный Эфрем сорок лет епископствовал украшенный Духом Святым, ибо сокровенные дела человеческие, как явные, обличал, и на смерть обреченных больных словом вскоре исцелял. А непокорных словом же умерщвлял и другие чудеса творил многие»*⁴⁴.

Подвижники из этого круга, подобно Эфрему, славились святостью, мудростью, дарами прозорливости, исцелений и проч. Вспоминая одного из учеников преподобного Григола, Гиорги Мерчулэ пишет: *«Этот блаженный Зенон... истинный духовный сын, подобный отцу, добрый ученик, наместник учителя, блаженная сокровищница добродетелей, монашества правило святое, кларджетских пустынь ограждение, духов лукавых прогонитель, ибо при жизни его и при жизни*

⁴² Преп. Иоанэ (Иоанн) Зедазнийский (VI в.) и двенадцать его учеников (общая память 7/20 мая) – основоположники грузинского монашества.

⁴³ Преп. Иованэ Святогорец, его сын Ептвимэ (Евфимий) и их сподвижники и продолжатели их дела (X–XI вв.) – создатели и подвижники Афонского Иверского монастыря, крупнейшего в ту эпоху центра духовности и культуры.

⁴⁴ *Житие святого Григола Хандзтели*, гл. XLIII, с. 134; «Символ», N 42, с. 295.

учителя его не дерзал диавол низвергать мужей в святых этих местах»⁴⁵.

Последнее особенно впечатляет, как свидетельство исключительной духовной силы. Но и другие ученики святого Григола были под стать Зенону. Характерно замечание Гиорги Мерчулэ, вслед за рассказом об окруженном чудесными явлениями преставлении сподвижника хандзтийского архимандрита – «великого Матоя».

«Другие же ученики блаженного Григола, – пишет он, – многие величайшей [еще большей] меры монашеской достигли, ибо некогда видимо было святых ангелов сияние, облекающее тела их более Матоя»⁴⁶.

И вот, целая армия этих, отмеченных особенной Божьей милостью, подвижников, не в одном каком-то известном случае, но при начале любого дела считала себя зависящей от совета одной женщины.

В другой раз тоже почти мимоходом Гиорги Мерчулэ сообщает: *«И долго одни беседовали блаженные эти [Григол и Феброния]... Некая же из сестер поблизости от них проходила и услышала одно слово..., ибо святой Григол сказал блаженной Фебронии: „Что сказал тебе ангел?“ Ибо Бог был всегда между ними»⁴⁷.* Великий подвижник,

⁴⁵ *Ibidem*, гл. XII, сс. 74–75; «Символ», N 42, с. 268.

⁴⁶ *Ibidem*, гл. XL, сс. 123–124; «Символ», N 42, с. 290.

⁴⁷ *Ibidem*, гл. LV, с. 147; «Символ», N 42, с. 302.

«градотворец пустынь»⁴⁸, духовный наставник царей, святителей и игуменов, упокоиться у ног которого почел за честь один из современных ему государей, беседует с настоятельницей одного из множества подопечных ему монастырей, с женой-подвижницей, имя которой почти затерялось на страницах истории. И не эта женщина у великого наставника, а великий наставник у этой смиренной жены спрашивает, о чем говорят ангелы! «Ибо Бог был всегда между ними», – резюмирует автор. Несомненно. Но судя по описанной им сценке, Бог нередко предпочитал общаться с мерийской игуменьей, и отцу Григолу было известно об этом.

Григол Хандзтели был исключительным явлением своего времени и во всей истории родной страны и Церкви. Он был неофициальным главой Грузинской Церкви, которого его духовное совершенство поставило не только над насельниками пустынь и монастырей, но и над царями, епископами и патриархами. Подобное положение занимал, кажется, только Бернар Клервосский в современной ему Западной Европе и Католической Церкви.

В жизнеописании того и другого подвижника есть среди эпизодов, являющих эту власть, один, как будто списанный с жития другого. Вот эпизод из жития св. Бернара в изложении современного нам автора.

«Случилось в 1130 в Риме был избран папа, а к

⁴⁸ Из службы преподобному Давиду Гареджийскому.

вечеру второй. Начались крупные беспорядки... Наконец второй папа одолел первого (Иннокентия II). Тогда побежденный папа отправился во Францию и просил помощи. Был созван королем собор. Бернард (!) получил приглашение от короля и епископов. По собственному его признанию, он ехал на собор в страхе и смущении, но на пути ему было ободряющее видение. ... Собор ... единогласно решил, что дело Божие должно быть предоставлено человеку Божию – Бернарду. Это постановление всеми было принято, как выражение воли Господней... Собор ждал приговора Бернарда, как слова, исходящего от Святого Духа. Когда Бернард признал первого папу законно избранным, собор принял это решение... общим ликованием. ... Необходимо было, чтобы и германский император дал свое согласие. Бернард отправился вместе с папой в Лютих и там обаянием своей святости победил колебание монарха»⁴⁹.

А вот похожий эпизод из жития Григола Хандзтели, относящийся к 860 году – времени избрания Католикоса Арсени I Великого.

«Картлийские епископы на Миреана... весьма были раздосадованы по той причине, что, помимо намерения их, силою Самцхийского народа сына своего, Арсени, поставил католикосом содействием и благословением немногих епископов... И который в то время был государь... Гварам Великий, зол был на Миреана. И... велел собрать епископов и

⁴⁹ Петр Иванов. *Тайна святых*. М., 1993, сс. 303–304.

отцов пустыни. И все собрались в Джавахети, однако отца Григола не было там... и с желанием ожидали его все... и никак не утвердили слово свое. Тогда Эрзушетский епископ... сказал всем: „Когда придет звезда пустынь, тогда исправится дело и намерение всех”. А они сказали: „О ком слово это...?” Он же сказал: „О Григоле архимандрите”. Другие... сказали: „Истину говорит, ибо он просвещает светом учения и украшен Духом Святым”. И тотчас увидели святого того, едущего на осле..., удивительного видом, ибо одеяние то убогое, которое было одето на старце том, так виделось, как одеяние из света блистающего неиспытанного. На голове же кукуль виделся, как венец царский... И как увидели богоданную славу его, все с радостью вышли навстречу и последовали словам его с радостью. ... Он же сказал: „...Слушайте убогого этого старца, ибо Арсени католикоз волею Божиею есть католикоз и ругающие его, которые не покаются, будут посрамлены и совершенно постыдятся и в этом временном, и в том вечном”.. Государь же тот возмутился разумом и сказал епископам тем: „Вам подобает должно вам управить, ныне скажите”. А они сказали: „Благочестивый Гварам, Христово чудо немым сделало язык наш, ибо видели сегодня над Григолом непостижимую славу”. И поведали ему все видение то, которое видели при входе его. Тогда ужас поразил государя того, ибо был он смирен и богобоязнен, побежден был смирением и

припал к блаженному Григолу и сказал: „Святче Божий, прости мне, ибо я соблазнил тебя”»⁵⁰.

Так, не будучи даже епископом, «по чину Мелхиседекову», Григол имеет власть благословлять и утверждать епископов и даже патриархов. Но еще удивительнее то, что эту власть разделяет с ним его сподвижница, духовная дочь и сестра – мать Феброния. В «Житии» хандзтийского архимандрита есть эпизод, который, кажется, происходит за пределами истории, где нечестивого епископа судят как будто на том суде, которым грозила своему мужу святая Шушаник: «*Рассудят меня и Варскена питахша там, где нет лицепрятия..., где нет различия между мужчиной и женщиной*», – ибо в низложении нечестивого Цкира участвует не только не имеющий епископского сана Григол Хандзтели, но и женщина – мать Феброния.

«И много зла подстроил <Цкир> отцу Григолу и той поры святым отцам, и другим верующим мирянам. И которые присно праведно обличали его, они же совместно известили обо всем великого того государя Ашота курапалата. И повелением его все духовные Анчской кафеолической Церкви написали книгу Картлийскому каталикосу. И от него епископы достойные прибыли в Анчи, и с ними собрались все те отцы пустынники.

И чудотворица блаженная мать Феброния пришла на собор тот святой, уподобившийся древ-

⁵⁰ *Житие святого Григола Хандзтели*, гл. XLII, сс. 125–130; «Символ», N 42, с. 291–293.

ним тем Святым < соборам >, и все священники, причетники Анчские, с ними, и перед епископами теми высказали Цкирову правду, нечестие его, верные те чудотворные мужи недолжную причину безобразий его лицом к лицу. Тогда верные те архипастыри отлучили его от почести его. И отец Григол и мать Феброния облаченного из алтаря свели и перед алтарем раздели и все совместно извергли его из католической Церкви»⁵¹.

Славный сонм подвижников во главе с самим великим Григолом Хандзтели, среди которого таинственно светит мать Феброния, показывает, что эта замечательная женщина явилась на авансцене духовной истории Грузии не потому, что не было достойных мужчин.

Также и великая Тамар действовала отнюдь не на лишенном выдающихся мужчин историческом пространстве. Ей не только предшествовали, как было указано, величайшие и успешнейшие цари, но и в саму эпоху Тамар, в ее ближайшем окружении действовали прославленные мужеством и духовностью мужчины – ее муж и соправитель Давид Сослани и полководцы братья Мхаргрдзели, церковные деятели и поэты Николоз Гулаберисдзе и Иоанэ Шавтели, Руставели и Чахрухадзе.

А у великомученицы Кетеван вообще был своего рода «дублер» – царь Луарсаб, призванный на мученическое поприще всего двумя годами ранее.

Так что в возвеличении грузинских женщин мы

⁵¹ *Ibidem*, гл. LXIX, сс. 166–167; «Символ», N 42, с. 311.

не обнаружим ничего матриархального или амазонского. Здесь есть глубокое уважение, любовь, восхищение перед высокой ролью, которую, оказывается, имеет женщина в грузинском обществе. То, что подсознательно чувствовал грузин, у Чавчавадзе и Церетели поднимается на уровень осознания, становится открытием, новым знанием, и эти два избранных представителя своего народа с искренней радостью принимают его. Они вглядываются в родной язык, в бытие народа, в его долгую, героическую и необычайно интересную историю, и везде видят подтверждение того, что это их открытие не какой-то мираж, но удивительный закон национальной жизни, который облекают силой непреложности Бог и народ, небо и земля, язык и летопись.

IV.

Что значат все эти и многие подобные им факты, в целом это явление в историческом бытии грузинского народа? Что означает возвеличение женщины на грузинской земле? Игру ли случая, значение которой не выходит за рамки непосредственного содержания описанных явлений, или некий каприз судьбы, поверхностно различающей оттенки, накладываемые на жизнь разных народов, без какого-либо более глубокого смысла? Говоря словами Псалмопевца: *«И аще есть разум в Вышнем?... Сие труд есть предо*

мною» [Пс 72, 11, 16].

Одно несомненно, что эта особая линия в жизни грузинского народа существует и проходит через всю его историю. Проходит не только в образах великих женщин, но и тех, кто способен был видеть их величие, восхищаться им и склоняться перед ним. Возможно, и было некое замешательство при первом таком явлении, в случае со святой равноапостольной Нино. Но уже второе явление женщины-героя не было оставлено без должного внимания.

Акаки Церетели, когда он составил свою троицу грузинских богинь, не упомянул, возможно, даже не вспомнил о святой Шушаник. Быть может, увлеченный образом и мистикой троицы, он сознательно или неосознанно пожертвовал той четвертой, которая представлялась ему менее значительной. Наверное, он даже не подумал о том, что Шушаник и Иакоб Цуртавели являются главными и первыми предтечами его на этом поприще, что без них, без героизма Шушаник и гения и прозорливости ее автора неизвестно, когда и как явление, которое пленило его и сделало светского литератора участником и созерцателем таинственной стороны бытия, стало бы частью национальной жизни.

Как и в случае с мучеником Або и автором его мученичества Иованэ Сабанидзе⁵², и здесь нужен был этот двойной дар – великий герой, являющийся

⁵² «Символ», № 44, 2001, сс. 273–323.

собою некое знамение, и великая душа, способная это знамение воспринять и разъяснить.

Двумя, быть может, самыми заметными и повсеместными, вне зависимости от культуры и религии, жертвами греховного падения человека стали чужой (чужеземец) и женщина.

После пришествия Христова и до сего дня человечество многие столетия решает эти две проблемы – проблему чужого и проблему женщины – пытаясь законами и увещаниями реабилитировать униженных и отвергнутых.

Два древних представителя грузинского христианства, созерцающая и осмысливающая мученический подвиг своих героев, по-другому решили эту проблему.

Они не создали законов и не выступали с увещаниями, но изменили сознание соотечественников, представив чужеземца и женщину в немислимом дотоле образе народных спасителей и заступников перед Богом, уподобив обоих Самому Христу.

Из кн.: *«Мученичества Шушаник, Эстатии, Або»*.
Criterium, 2012; ж. «Символ», № 45, 2003, сс. 231–271.

